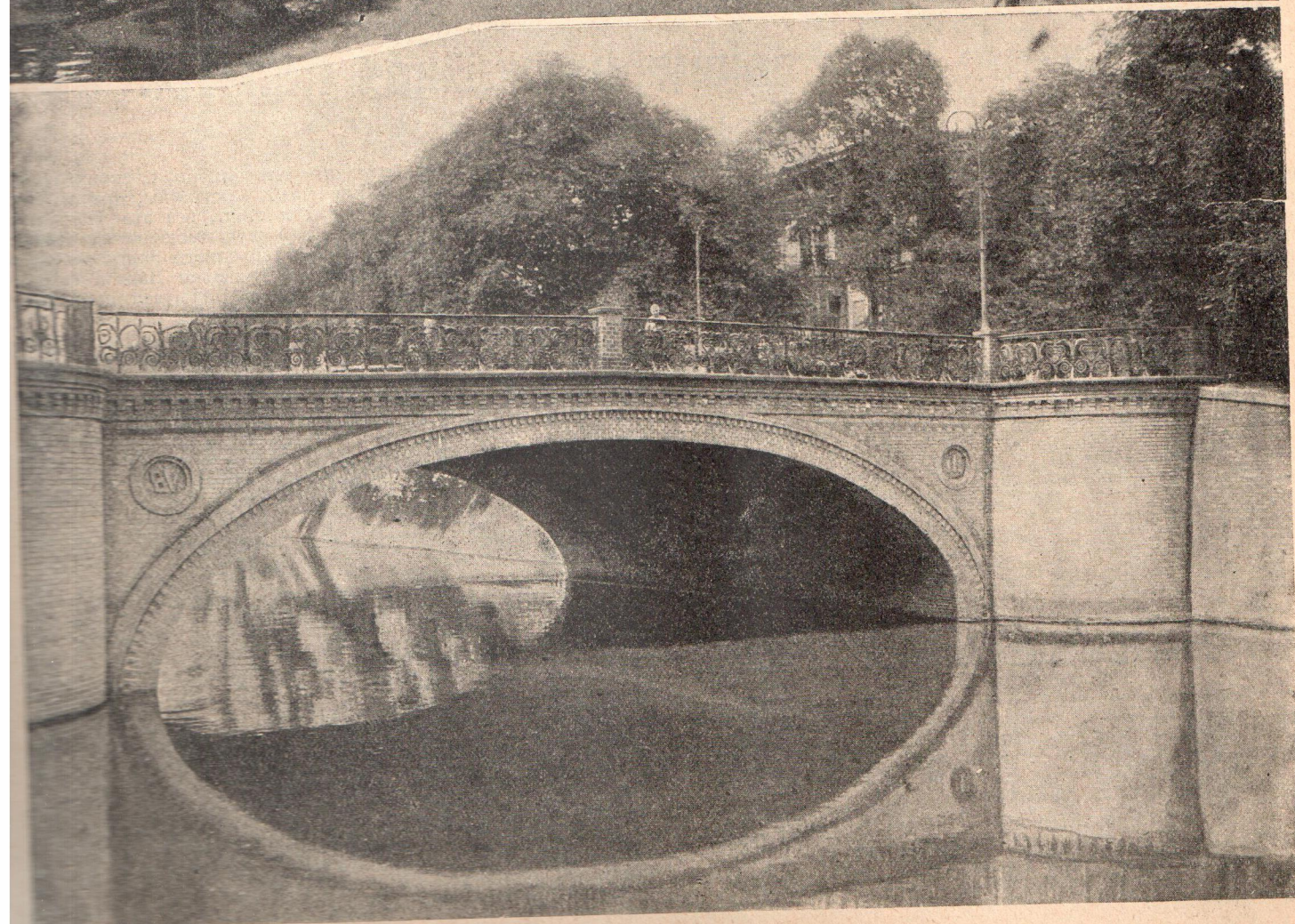

И. В. СТАЛИН.
Генеральный секретарь ЦК РКП.

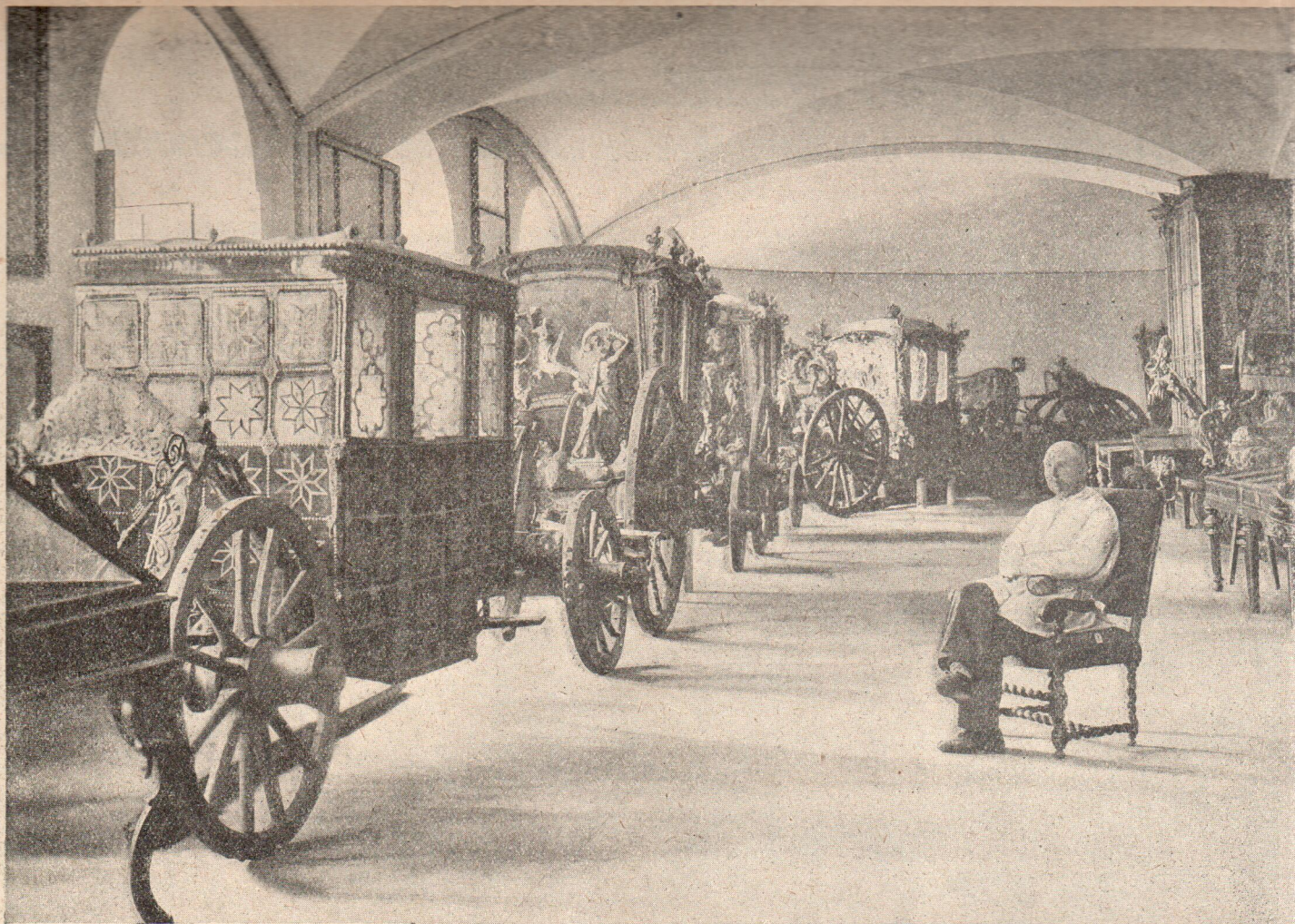
Новый фото-портрет работы М. Нашельбаума.

Здесь были убиты Либкнехт и Люксембург.

Русс-Фото.

Корреспондент «Огонька» снял в день десятилетия войны два уголка Берлина, вид которых приведет в содрогание всякого трудящегося. Вверху — аллея в Тиргартене, где был убит выстрелом в голову Карл Либкнехт. Внизу — мост, с которого была сброшена в воду умирающая Роза Люксембург.

Кэреы XVII и XVIII века.

Кремль. Сокровища Оружейной Палаты.

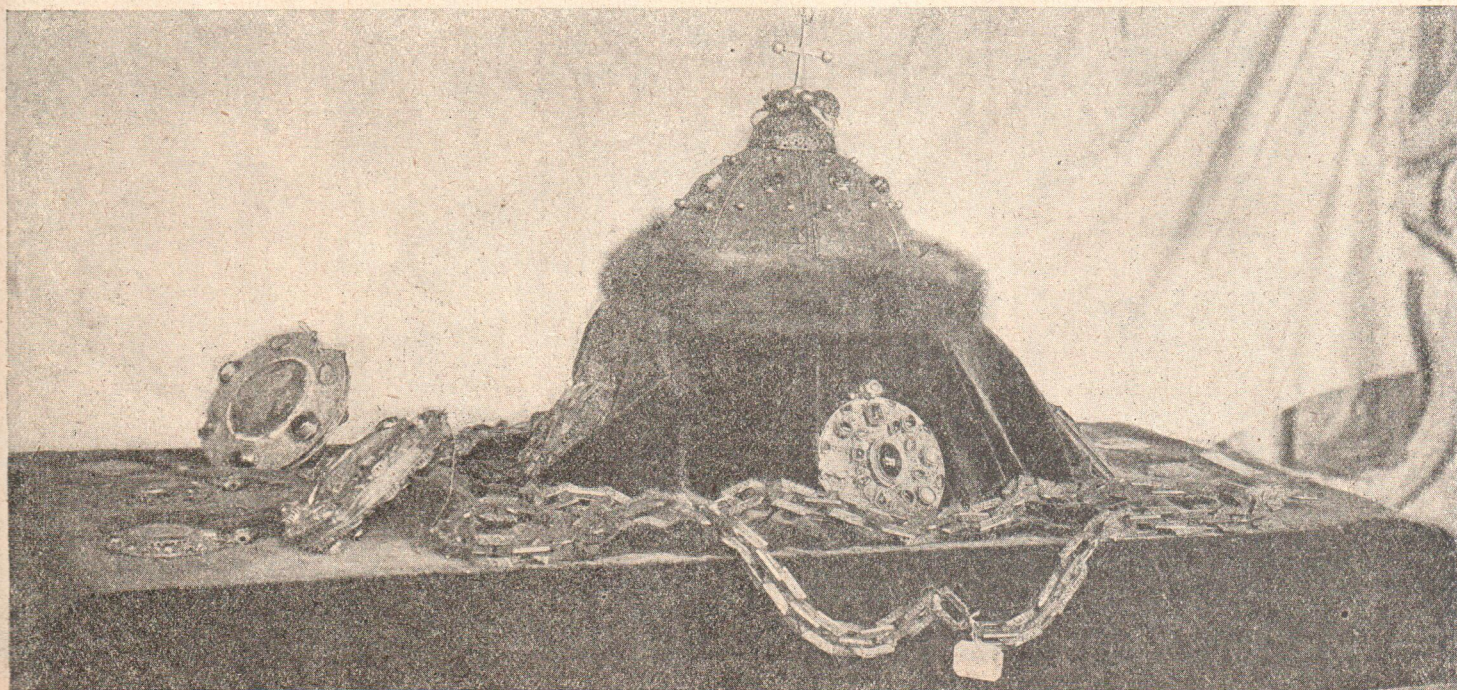
Очерк проф. Д. Иванова.

Московская Оружейная Палата упоминается еще в XVI-м столетии. В XVII-м веке это был уже настоящий музей редких и замечательных предметов. При музее состояли обширные мастерские, в которых работали лучшие мастера того времени. Качество их работы было очень высокое,

чему не мало способствовало наличие лучших образцов всякого рода техники перед их глазами. Постепенно мастерские эти закрылись, музей не раз подвергался пожарам и всяким невзгодам. Состав его перед Революцией был очень неровный и пестрый. Больше всего лезла в глаза

всякая коронационная мишура, страусовые перья, балдахины, кресла, мантии, мундиры и т. д., все это очень низкого качества в художественном отношении, а некоторые предметы прямо безобразные.

Теперь Оружейная Палата совершенно преобразована. Из музея царского быта

Так называемая «Шапка Мономаха» XII века, сканная цепь и «бармы» (наплечные и нагрудные украшения XII века).

превращена в музей художественных производств. Обильнее всего представлено искусство обра-

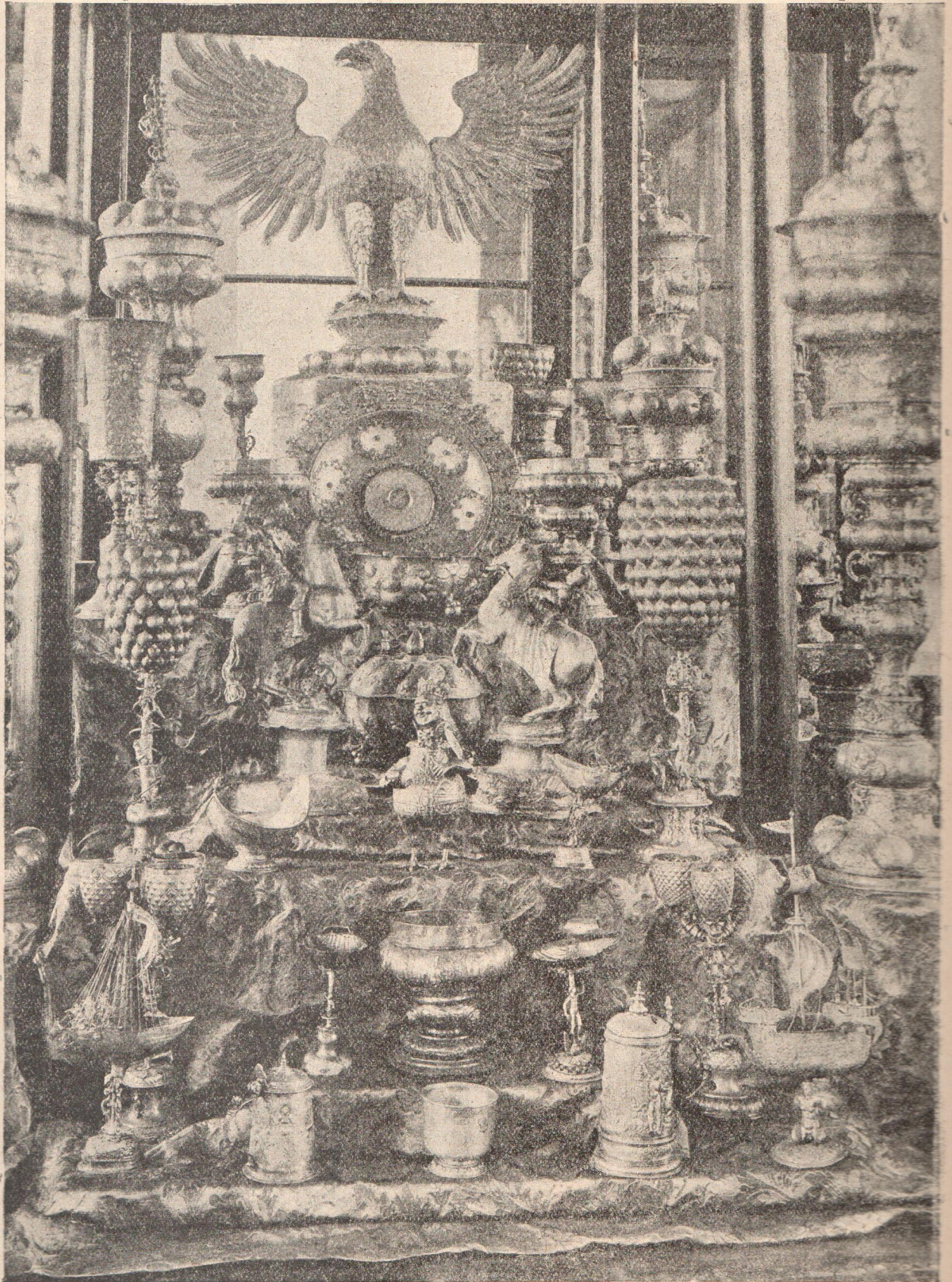
ботки ткани и металла. Предметы разнообразной, ручной выделки редки, зато особенно увеличено количество предметов очень выдающегося художественного значения, поступающих по большей части из дворцового имущества и из деревень. Древнейшие из выставленных предметов относятся к эпохе возникновения Москвы, т. е. к XII-му веку. Обильнее всего представлены XIII и XVII века, то есть время наивысшего художественного расцвета Москвы. Кроме русских работ есть много иностранных, частью западно-европейского, частью восточного мастерства, но из иностранных работ по преимуществу подобраны такие, которые бытовали в России и являлись за русское искусство и производство.

Весь материал распределен по технике обработки, по производственным центрам и по мастерам. Гораздо большее значение придается тому обстоятельству, для чего и для какой цели сделан предмет, и гораздо большее внимание уделяется вопросу, кто был мастер-художник, создавший предмет, и что именно он выявил в своем произведении, и по каким причинам. Смысл образа всецело переносится с личности хозяина и собственника художественного предмета на личность творца-художника. В этом новом подходе открыты имена крупных мастеров, оставшиеся в забвении. Собрание художественного оружия чрезвычайно обширно. В отделе серебра представлены в

лучших образцах все способы его обработки: чеканка, оброн, гравировка, лакировка, чернь, скань и финифть. Ряд предметов дает наглядное представление об искусстве обработки слоновой кости, перламутра, коноса, камня, кожи и т. д. Обильно и разнообразно представлены также ткани и художественного

питья в лучших образцах. Между прочим, заново организована галерея драгоцен-

трудных обстоятельствах. Особенно отмечалось обилие нового художественного

Витрина серебра производства города Нюрнберга. В середине, в третьем ряду снизу—кариатура на короля, изображенного в виде летуха.

ных стальных ковров ручной тканья, так называемых шпалер или гобеленов. Работа по переустройству музея близится к концу. Музей уже осмотрен в новом виде многими специалистами, русскими и иностранными, причем иностранцы не переставали упорно удивляться тому, что все сокровища музея сохранены в полной целости при самых

материала, ранее недоступного или неизвестного, между тем представляющего весьма крупный художественный и производственный интерес. По окончании работы по переустройству в ближайшем будущем получится возможность открытия музея для широких масс.

Д. Иванов.

Библиотека женского клуба в старом городе Ташкента. Через библиотеку проходят почти все посещающие консультацию (бывают чтения, беседы).

Ф О Н Ь К А.

Рассказ Константина Шильдрета.

Глава I.

— Фонька, чорт, слышишь!
— Слышу, коли не языком будишь, а сапожищами.

— Спать горазд очень, мо-рда! Что бы отцу в хозяйстве помочь, он...

— Да ладно... Встаю... Зарядил... И без тебя в грудях кисло...

— Пил бы меньше вечер.

— Да, ведь, гости подносили, не на свои...

Фонька кривит рот, выкатывает глаза, до крови, по-звериному, скребет пятерней поясницу, молчит.

— Долго я тебя, жигана, обхаживать буду?

— Говорю, в грудях кислое катится.

— Фонь-ка, по-при-мол-чи!.. Или синяки старые зажили?

На широкой, в полстены, лавке, заворочалось что-то бесформенное под грудой тряпья.

— Вон, ей про синяки бы припомнил,— кивнул Фонька в сторону лавки.— В самый бы раз...

Пинок под ребро не дал договорить.

Из-под лохмотьев короткий, злорадный смешок.

— Не вели ей, отец.

— Одначе, Степан, тебе говорю, заткни байструку своему глотку.

— Выгоню. Ей-богу, выгоню, Фонька. Дыхнуть не дам, выгоню дармоеда, ежели по чести жить не могишь.

— Да и сам я уйти могу. Мне все единственно. Только врешь все, отец, не выгонишь, треплешься зря, потому без меня ты ни в котором почете.

Снова с лавки злорадный смешок.

— А ей не вели. Верно тебе говорю. Хоть и твоя она... а не вели. Пусть смешки над тем своим хахалем строит, а я не стерплю.

Степан подозрительно косится на сына, потом, заложив за спину руки, подходит к лавке.

— Это про кого же он говорит?

— Про кого же, как не про меня. Один разговор у обоих у вас.

— А ты сама уставься в отца, Арина Демидовна, ежели не всю еще совесть с хрымом Серенькой проспала. Мол-чи-шь? И Фонька сочно прицелкнул языком.

— Тыфу, байструк желтомордый! Смотреть на тебя тошно, не только что на подлости твои отвечать.

Арина сердито отвернулась к стене. Степан присел на край лавки.

— Так с Серенькою короводишься?— пропустил он чуть слышно сквозь зубы и прищурил свой единственный глаз.

Молчание.

— Тебе говорю!

— Коли байструка слушаешься, мне и сказывать нечего.

— А ты скажи, что он треплет.

Фонька вылез, наконец, из своего угла, стал, подбачаясь, подле отца.

— И не только скажет пусть, ты белыми заставь зыркнуть в тебя.

— Помолчи! — неожиданно свирепей крикнул Степан и изо всех сил ударил сына по переносице.

— Катком его по башке, байструк! чтоб на век онемел!

— Так с Серенькою закороводилась Шлюха! Ко мне повернись!

Арина высвободилась из-под тряпья соскочила с лавки.

— Не могишь обзывать честную женщину. Ежели что, я и уйти могу. Подумаешь, купец какой,— с потрохами все закупил.

— А-ри-на, смотри! Финтить будешь ноги поведергаю.

— На-кось, попробуй. Не таких фраз ров видела, да не справились.— На-кось ударь-ка.

Корчась на полу, больно сжимал Фонька двумя пальцами нос, глупо глотал скаты валяющуюся слизистой, сладкой жижицей кровь во рту, сплевывал на рубаху, на пол черными печенками—сгустками, но в спускал глаз с Арины, в промежутках хрипел упрямо, подзадоривающе:

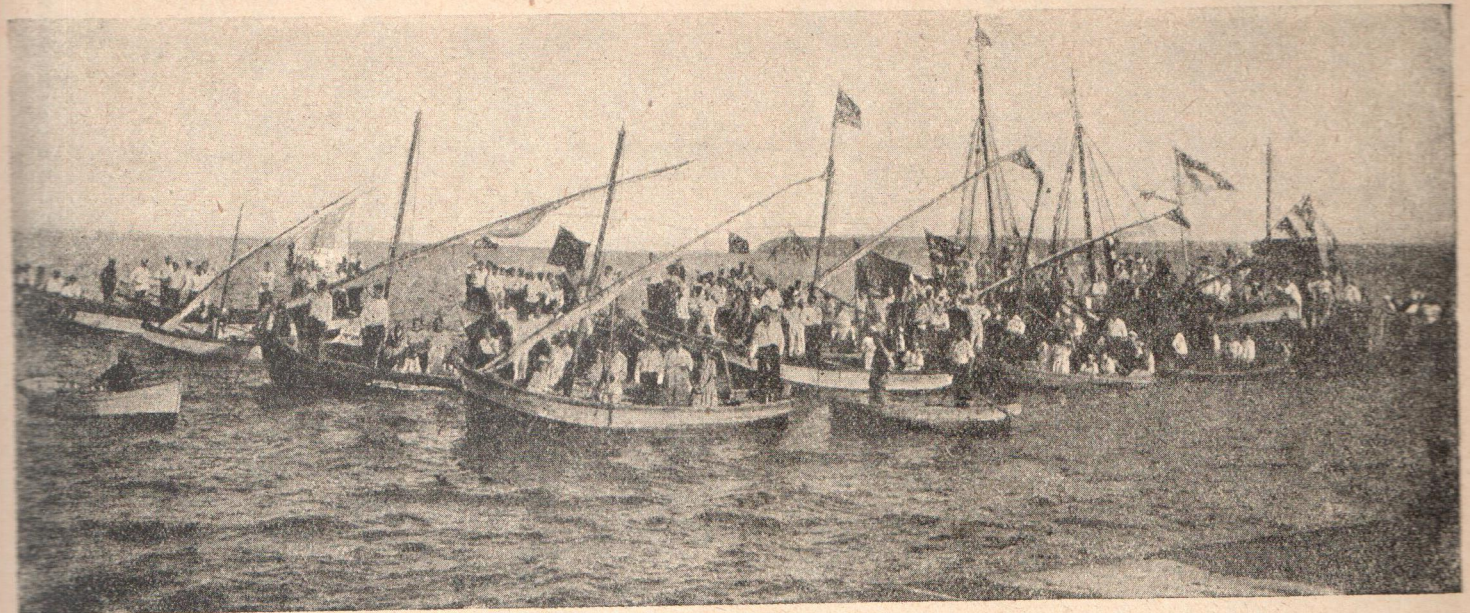
— Бельмами тыкнется пусть, ежели не всю совесть с хрымом Серенькой проспала!

— Ударь же!—не отставала Арина.— Попробуй! Ударь-ка!—а сама незаметно отступала ближе к дверям.

— Не трону, шлюха, только правду скажи.

День кооперации в г. Керчи.

От керченского корреспондента «Огонька».

В день празднования международной кооперации промыслово-кооперативный союз рыбаков устроил морское шествие и гонки.

У самого порога задержалась, заложила на спину руку, лихорадочно искала пальцами щеколду, нащупала, неслышно нажала, ткнула с силою в дверь ногой.

— Стоп! Задний ход!—забывая о боли, крикнул торжествуя Фонька, одним шмыглым броском приблизился к ней, смачно впился оскаленными по волчьим губам в жилистые, синие икры.

Рванулась,—только зарычал, пальцами судорожно уцепился в подол рубахи. Съездившись, Арина пригнулась к полу, едва превозмогая невыносимую боль в шее, впилась ногтями в Фонькино горло.

Степан жиденькую косичку Арину наизусть кулака обмотал, приподнял наизусть, свободной рукой бил хлестко по щеке, размеренно, каждый раз ладонью удар притирал, чтоб выходило больнее, мучительней.

Фонька, полузадушенный, вырвался, по лезвой, узенькой яме, прокисшему коридору, по клейкому глиняному полу, вылез до порога соседа Ивана-Моталь-

щика, в дверь осторожно стучался, чтобы там дома не было слышно.

— Это я, дедко Моталь.

— Мыряй уж! Открыто! Ай-ай-ай! Как разделали тебя, байструка. Опять отец утрению служит? Ты нос кверху закинь, а башкой в стенку упрись. Во-от! До ста посчитай. Теперь вемойся пойдя. Вон вода-то в лохани.

Фонька ткнулся головой в воду, фыркнул, встряхнулся,—рукавом вытер лицо—присел на полено.

— Ну как?

— Ничего.

— То-тож. К вечеру, как на собаке, засохнет.

Иван-Мотальщик рассмеялся.

— Ты, дедко, над чем?

— Да над делом твоим. На кой тебе в неволе этакое жить? Сколько раз говорил: плюнь, да ко мне уходи. Счастливым на-веки, ведь, сделаю.

— Мотать не умею.

Ростовщик вселенной.

Русс-Фото.

Забастовка 40.000 швейников в Америке!

Русс-Фото.

Швейники расходятся с митинга в Нью-Йорке, где большинство мастерских пустеет.

Джон Пирмонт Морган, глава всемирно-известной фирмы и «король стали», один из богатейших людей мира. Теперь эти скромные звания уже не удовлетворяют Моргана и американский богач проявляет все более и более активные стремления управлять миром. Происходящая сейчас в Лондоне конференция дала Моргану повод предъявить свои векселя на одолженные во время войны европейским банкам и правительствам громадные капиталы, которых сейчас разрушенная Европа оплатить не может. Морган же, конечно, может обойтись и без уплаты долгов; взамен этого он отправил в Лондон своих компаньонов и послов, являющихся «между прочим» и послами американского правительства. Через них Морган намерен добиваться участия в «прибылях», могущих последовать при осуществлении плана экспертов, составленного опять таки слугами Моргана. Этот мирный старичек в охотничьей шляпе намерен заменить покойного Стиннеса в деле эксплуатации народов Европы, сидя уже не в Берлине, а в Нью-Йорке.

Десять лет союза строительных рабочих.

Фот. Ж. Мартова.

Наверху — рабочие строители на 10-тилетнем юбилее Союза.

Ниже — президиум торжества юбилея. В центре — Л. Д. Троцкий.

Внизу — Старейшие члены союза. В центре (X) тов. Сапронов.

— И не надо тебе. Мотать то я буду, а твое дело — на двурядке наяривать да народ привлекать. Во — погляди. Ты, допустим,

жалобную выводешь, а я каждым суставчиком — дрыг — так вот и дрыгаю, ходунном, можно сказать, хожу.

И старик, одним привычным движением исказив в страдальческую гримасу лицо, неистово вдруг весь задергался.

— Видал? Первым мотальщиком в губернии слыл. Еще на свет тебя мать не выплюнула, когда мне таких стрекулистов как ты на выучку отдавали. Наука эта, братец ты мой, не то, чтобы дрянь какая, вроде двурядки твоей, а, можно сказать, самая тонкая. Угодники — и те, царство небесное выезживали на ей. Сам преподобный Витт дергался. Хоть и немец, а тоже знал, где руки зимуют. Вот после этого и рассуди, какое дело выходит. Ну, а ежели с музыкой взять, чтобы народу видней меня, значит, было — зароемся в деньге с тобой, братец! Девать некуда будет.

— Не отдаст мне двурядки отец.

— А ежели мы гармонь твою запазуху и отселева этаным макарчиком прочь?

— То-ись каким же макарчиком?

— Так то-ись, просто. Или свет клином сошелся? Возьмем, да в провинць умах-

Рабочники, участвовавшие в бальзамировании

Профессора В. П. Воробьев (справа) и Б. И. Збарский, блестяще закончившие работу по бальзамированию В. И. Ленина, дающую возможность сохранить облик вождя мирового пролетариата на многие десятилетия.

нем. Тебе в самый раз на людей посмотреть, уму-разуму нахлебаться. Как полагаешь?
 — Ни к чему мне людей смотреть. Знаю я всех их наскрозь.
 — Ты меня уж послушай.
 Фонька поднялся.
 — Куда же ты?
 — Послушать, как там отец молебен не кончил ли.
 — Ладно уж... Сиди, покуда сызнова кашка не потекла. Сам пойду. Будто за спицей... Так как, значит, на счет того, чтоб в компании?
 — Мне все единственно.
 — И дело. Давно бы так. Вдарим-ка, брат, по рукам. Так-то во. И (старик приподнял палец к губам) чтоб ни-ни. Будто без языка. Потому,—как теперь время некое. А весна придет—ищи Ивана Мотальщика с Фонькою—гармонистом... Так я к ним схожу... Посиди.
 — Вернулся. Еще у двери, вслух сообщил:
 — Ушедши отец. Одна там отлеживается.

Глава II.

Лягала на лавке на груди лохмотьев, вытета свернутой в газетную бумагу листового махоркою, угарной и крепкой, как матерная брань, которую, вместе с дном, пропускала сквозь желтеющие щели перегнивших зубов.
 — Добился. байструк!
 Глаза, стынущие угольки, еще колючие, чуть вежельным налетом поддернутые, из-под вежельниц, подведенных вздутыми фиолетово-багряными синяками, — следами Степанова кулака,—влажно уставились на Фоньку.
 — Добился!
 — Высово больно о себе думаешь.
 — А зачем Степана поддуживал?
 — Скуки ради. Для развлечения.
 — Лучше бы сам побил, а не людей мучил.
 — Скуку я пачнаться об тебя!
 — Ты что ж стоишь? Ступай, на—по—
 Фонька, не обращая внимания на Арину, вынул из сумки, которое только верхним краем едва выступало над уровнем мостовой, шарик подбородком в кулак и при—
 Раствор с Мотальщиком не шел из головы. Давно уж старик подбивал его бросить отца, но в побеге из города заговорил о том, что лучше, куда идти и где жить, так как он не представлял себе общества, семьи, коммунального обслуживания, не похожих, как он видел, на тот мир, в котором сам жил. Он для радения вот уже скоро

пяти адцать лет. Подвал свой и темную узкую, прокисшую яму с клейким глиняным полом — коридор помнит давно, так давно, что иной раз кажется, будто живет в них уже тысячи лет, когда не было еще на свете ни отца, ни Арину, ни Ивана Мотальщика, никого. Матери своей он вовсе не знает. Допытывался о ней у отца, но тот толком ничего не сказал, только Иван Мотальщик с пьяных глаз как то вспом-

нил, как Степан, ее, тяжелую, когда последними днями ходила, крышкою от сундука изломанного прибил и как она

Новороссийск. Флаг СССР на пароходе «Эттехат».

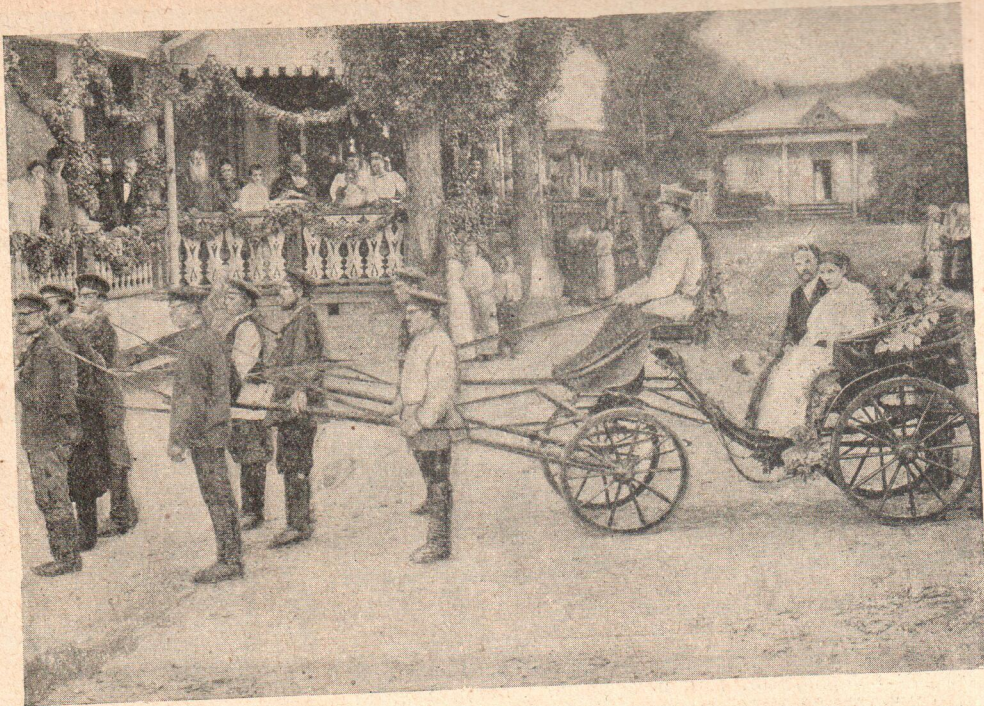

Представители общественных, партийных, кооперативных и профессиональных организаций на торжестве подъема флага СССР. 1) упр. нов. отд. Кубсоюза тов. Локша, 2) персидский консул Мохадт-бей, 3) упол. Наркоминдел тов. Шилов, 4) врид. нач. порта тов. Иванов, 5) зампредпоркомвода т. Родионов.

„Транспорт“ русского помещика.

Было хуже, чем в Китае.

«Огоньком» добыт с Украины редкий снимок 1872 г., т.е. снятый через 11 лет после «освобождения» крестьян «всемилолюбившим» Александром II. Снимок изображает торжественный выезд помещичьей пары, запряженной мужиками. Развалился в коляске помещик Широченко, владетель м. Кривое Озеро (где во время Денникова «знаменитым» волчанским отрядом было вырезано все еврейское и рабочее население), Балтского уезда, Подольской губ. Запряжены «крепостные», отцы которых получили волю от царя, но сами остались рабами своих помещиков.

Смешно и невероятно теперь, в республике рабочих и крестьян, смотреть на этот яркий документ в сущности еще недавнего угнетения трудящихся.

Будем вместе в трактире играть, потому—опять слабодную непу разрешили.—Чуть рассвет—за урок. За год все песни знал, до того дошло, что без Фоньки гости в трактире и слушать отцовской музыки не желали... После уж появилась в подвале

Арина. Не обратил на нее Фонька никакого внимания. Мало ли к отцу приходило! Только и неудобства, что тогда не на лавке спать, а в углу. И то не заметно: не все ли равно, где спать человеку? Везде плесенью кисло пахнет и мокрицы да клопы по телу, вроде, как фраера в саду на гулянье, так и шмыгают, черти бесхвостые. Однако, встать стала Арина в подвал. Видно, по земле пришлось семячко—быстро принялось, глубоко корни пустило.—не вырвешь. С Фонькой она как с семишником, вахисто стертым: хоть не берут нигде, а не выкинешь. Пусть, мол, валяется. При случае, глядишь, и сплавить удастся. Так жили долго, не мешали друг другу каждый сам по себе, пока не нагрянул неожиданно Фонька домой (отец зачем то из трактира послал) и не застал с Ариной Проньку-скокаря. Духом одним вернулся к Степану и тут же впопыхах выпалил:—Твоя с Пронькой-скокарем... спит... И пошло. Отец новое дело дал. О каждом шаге Ариной Фонька должен был подробно докладывать. Веселей стало немного. Драки, шум, слезы—все как никак развлечение. Помни (двенадцать только что минуло), захвора отец, в больниц свезли, остался один с Ариной жить. Пет

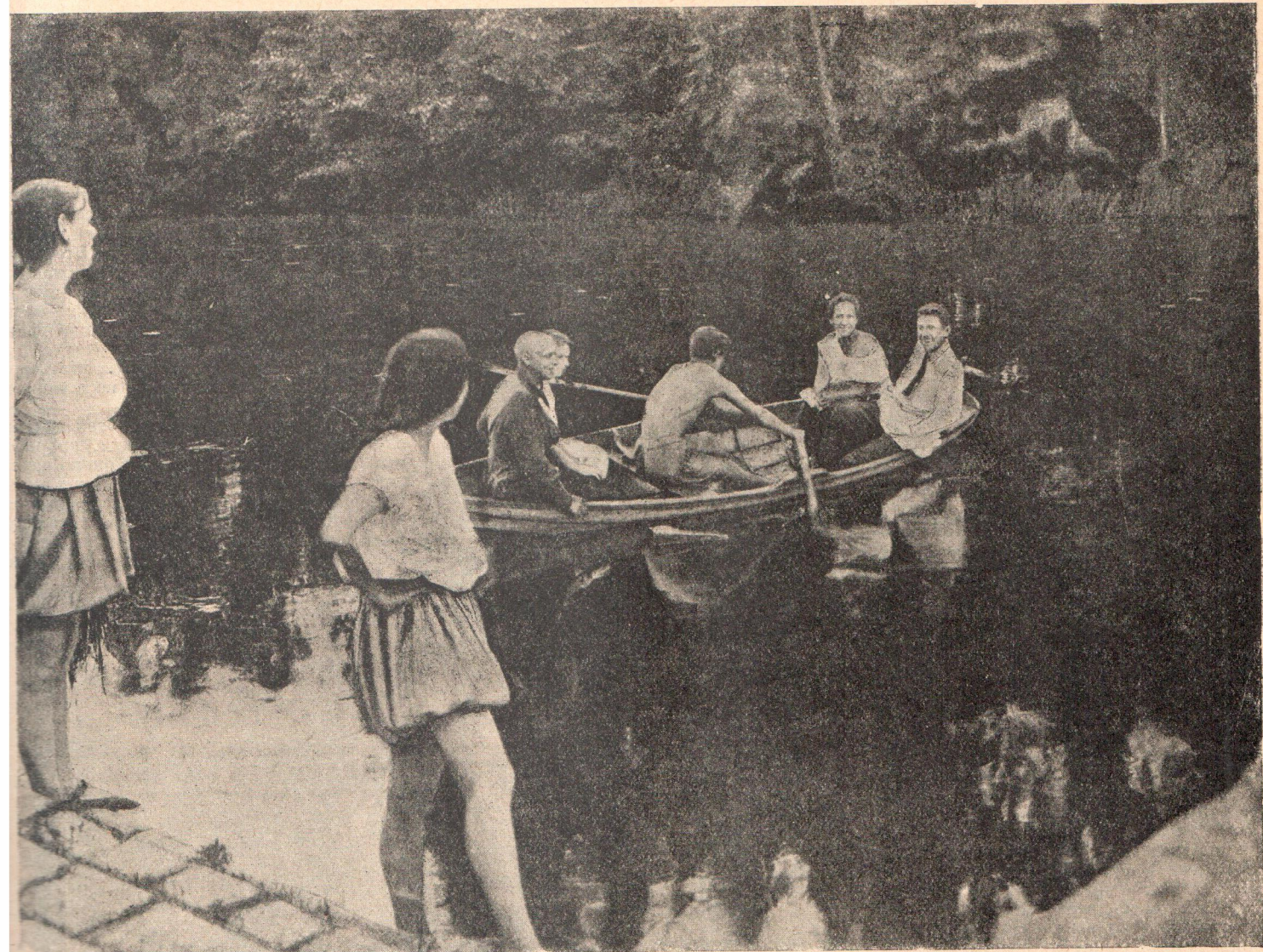
Жилища рабочим на заводе „Богатырь“.

Фот. А. Тулеса.

27 июля в подмосковном селе Богородском, за Сокольниками, жилищно-строительным кооперативом рабочих «Красного Богатыря» произведена торжественная закладка рабочего поселка, рассчитанного на 10—70 домов. В каждом доме будет по 3—4 квартиры. Слева стоит секретарь МК РКП тов. Антипов (X).

Под Москвой. Рабочий на отдыхе.

Под вечер, когда спадает жара—расталкивая зеленоватую воду—на лодке, перебрасываясь веселыми шутками среди всплесков весел —

ю ночь ничего, а на вторую, как вернулся
трантира Фонька, приставать начала.—
и, говорит, байстрок, ко мне ложись, нече-
гравь по полу мызгать. С тех пор еще
шнее стало. И отец вернулся домой,
не помогло. Чуть вдвоем с нею в подвале
танутся—всякую сноровку пускала в
ид, деньгами даже дарила, а свое брала
ки. И жил попережку с отцом Фонька
Ариной...

Сидит Фонька у оконца подвального,
сидит подбородком в кулак—не идет
голова разговор с Иваном-Мотальщи-
м. Арина жадно сосет толстую махо-
вичную «пыгарку», дышит хрипло, пре-
двистно, ноги нагло раскинула, тычет
альбом в икры, в темнеющую кровопод-
печку от Фонькиного укуса, густо
скачно ругается.

— Говорю, сядь сюда...

— Наплевать, не желаю.

Долго в лохмотьях шарила,—нащу-
вала,—лузаво прищурилась, мясистые гу-
бы трубочкою свернула, глухо присвист-
нула.

Обернулася—жадно загорелись глаза, за-
жгли на новеньких, черных часиках с
сеткою прочкою.

— Вот, байстрок, для кого с Серенькой
шла. Для тебя гостинец.

Видя жадно раздул, бочком крадся
часы.

— Шахмат! Ляг—полежи, вот, тогда
спать.

— Отдай!—подсвочил, впился ногтями
в часы.

— Ляг—полежи!

Чем больше Фонька насадал на Арину,
тем сильнее горели угольки в ее глазах.

Рабочий на отдыхе.

Вечером, после захода солнца, в кругу—пляс под торжество гармонки, под звончатое хлопанье ладонь, свист пудок и озорвательные возгласы:—„Валей Митий,—не в Москве, чай“.

В РУМЫНСКИХ ТЮРЬМАХ.

Очерк Л. Щеглова.

Тяжело живется румынской бедноте под
егом своего боярского правительства. Си-

и сырость шахт, в которых заключенным
приходится проводить почти две трети

соты или, наконец, быть избитым до потери
сознания усердным охранником, то кар-
тина получится почти полная.

Насколько рукоприкладство, истязания
и даже убийства заключенных приобрели
права гражданства в этой тюрьме, го-
ворит хотя-бы тот факт, что в ней, ка-
жется, еще не было случая привлечения
начальства тюрьмы к ответственности.
Между тем убийство в Окнинской тюрьме
происходит чуть не ежедневно. Это едва-
ли не единственная во всем свете тюрьма,
где практикуются средневековые пытки.
Здесь в ходу такой арсенал всевозможных
орудий пыток, что мог-бы позавидовать
любой исторический музей.

Редко кто здесь выдерживает весь срок
аключения, большинство-же не выживает
и двух-трех лет.

Мне пришлось встретить в этой тюрьме
одного уголовного каторжника, прорабо-
тавшего в окнинских шахтах около шести
лет. Когда-то это был человек исключи-
тельной силы и железного здоровья, но
и эта чудовищная по своей прочности нату-
ра в конце концов не выдержала страш-
ного режима румынской каторги. Когда
я встретился с ним, это был уже полу-
скелет с явными признаками смертельной
болезни.

«Прогулка» каторжан Окнинской тюрьмы.

гуранца (охранка) там свирепствует. Про-
изводятся бесконечные массовые аресты,
причем арестовывается преимущественно
молодежь. Для них приспособлены самые
ужасные тюрьмы Румынии: Ясская, так
называемая «Галата», и Окнинская каторж-
ная тюрьма, расположенная около малень-
кого румынского городка «Тыргуль Овна».
В особенности знаменита последняя. Ты-
сячи заключенных в ней обслуживают
древнейшие в мире соляные копи.

По преданию разработка этих копей
велась еще во времена Римской империи.
Доступ в копи возможен только через
единственный узкий тоннель (подземный
ход) протяжением около 5 верст. По тон-
нелю проходит узкоколейка, по которой
в маленьких вагонетках вывозится до-
бываемая в горе соль.

Как бешеный мчится в сплошной под-
земной тьме маленький поезд. Это везут
соль.

Заключенные ежедневно четыре раза
проходят этот путь пешком, тесно струдив-
шись в партик, глухо позвякивая кан-
далами и то и дело спотыкаясь и падая
в сыром и тесном тоннеле, беспрестанно
подгоняемые прикладами. Уже одних этих
прогулок по тоннелю достаточно для того,
чтобы сойти с ума или через месяц, много—
два, получить скоротечную чахотку. Если-
же к этому добавить еще страшные удуще

Каторжане Яской тюрьмы за работой.

своего заключения, под постоянной угро-
зой быть придавленным глыбами соли,
или свалиться вниз с сорокасаженной вы-

Из окнинской тюрьмы нет возврата.
Единственный путь из нее— в могилу.
Л. Щеглов.

Часы, как только отдала их Арина,
снег тотчас же к Мотальщику. Втроем
их и пропили.

Когда вернулся Степан, Фоська мерт-
вецки спал в своем углу на рогоже. Арина
у образа возилась, лампадку прилажи-
вала: ко всенощной в церкви Ударили,
праздник встречали.

Глава III.

Фоська голову так своротил, что ост-
ренький подбородочек далеко за плечо
выставился, ухо к клавишам близко при-
ладал,—звуки из двурядки вытягивает
паутинные, тоненькие, больные. Краду-
чись, ползет паутина по полу запылан-
ному, бухнет, растет, а коснется ноги—
в концах пальцев и у висков отдается
дрожанием, слизистым холодком. И вдруг
Фоська передернет плечами, присвищет,
ногою притопнет, глазами по залу хлест-
нет, ухнет русскую, разудалую, плясо-
вую. Пальцы немеют, голова кругом идет,

а остановиться не может, пока не выпадет
двурядка из рук, не повиснет беспомощно
на ремне, перекинутом через плечо.

Это солирует Фоська.

Степан тогда к сторонке отходит, глазом
уставится в сына, только головою качает:—
Эк, ведь, распирает его!

Потом угощение: до отказа и до бесчув-
ствия, пока глаза не выкатятся на лоб,
а нутро—точно в нем опара подходит.

Под конец, каждую ночь, когда Степан
безучастно, привычно выводит «Разлуку»,
а Фоська, обалделый, на коротких у его
ног сидит, и чинается главное.

— Сеньоро бель канто!—раздается одно-
временно с легким пинком над Фоськиным
ухом.—Не пора ли заняться?

— Опосля, гражданин. Силон наберу.
Гость недовольно пожимает плечами
и цыкает.

— Но я, ведь, за деньги. Или вы можете
пожаловаться на Тюлькина, сеньоро бель
канто?

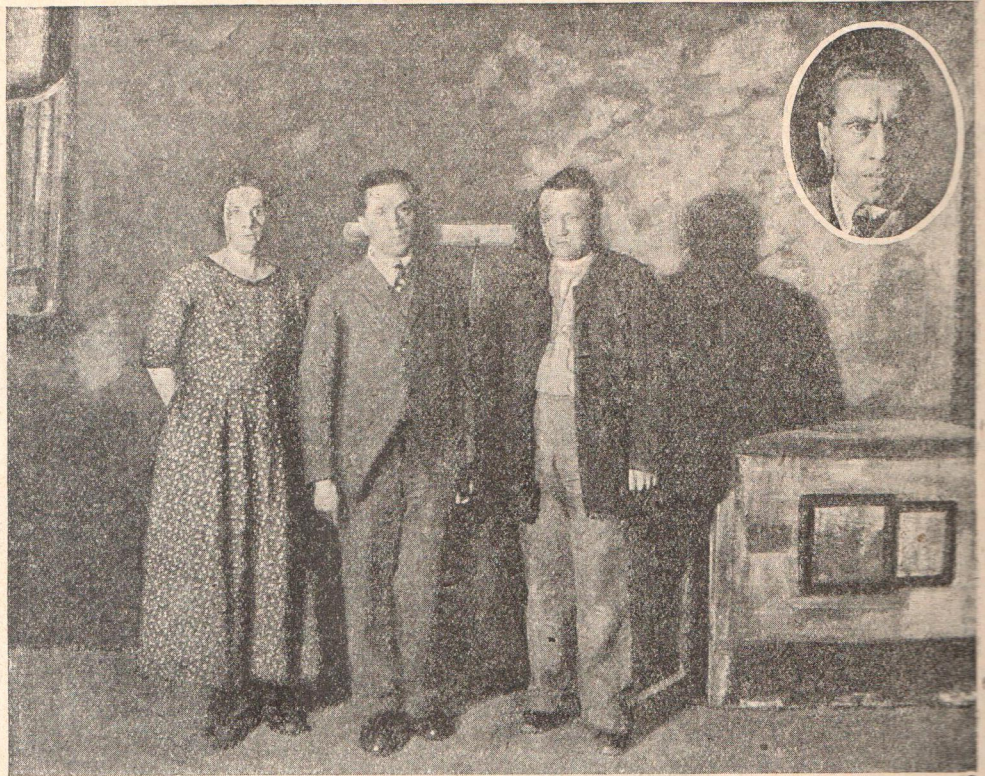
Фоська не слышит. Опара в брюхе ра-

стет, лопающимися пузырьками давит под
грудью, вызывает тупую, невыносимую
боль, и, кажется, что весь он погружается
в узкий боченок, доверху наполненный
щиплющим, едким рассолом.

Гость неожиданно оживляется. Пощипы-
вая двумя пальцами сизый клиншеп
бороды, семенит к стойке, о чем-то шеп-
чется с буфетчиком. И уже подле Фоськи
снова кружок, и тот, с сизой бородной,
разжимает стиснутые плотно губы под-
ростка, тычет в зубы костяным наконеч-
ником пульверизатора, Степан резервуар
нажимает, брызжет в рот густая желтая
жижа из пива, перца, махорки и соли.
Фоська таращит глаза, отмахивается, но,
сделав глоток, вскакивает вдруг, бежит
по залу, задевая и опрокидывая столы,
потом, хватаясь за грудь, кашляет
рвотным, надрывным кашлем. Его обли-
вают водой, выводят на мороз и через
несколько минут он уже «представляет».
Перед ним нечищенная вобла, сырые раки
и блюдечко с солью. Все это Фоська обя-

Освобождение Эрнста Толлера.

Русс Фото.

Баварские фашисты были принуждены, как мало им этого не хотелось, освободить Толлера. Он отсидел все пять лет, которые полагалось отсидеть. Теперь Толлер прибыл в Берлин, так как баварское правительство, убедившись, что «образ мыслей Толлера остался прежним», сочло нужным выслать революционера-мученика из пределов Баварии. Толлер сообщил специальной комиссии рейхстага о жестокостях, до сих пор творимых в баварских крепостных тюрьмах, о мучениях, от которых потерял слух другой светлый пленник фашизма, поэт-революционер Эрих Мюзам, приговоренный к пятнадцати годам каторги, из которых ему остается сидеть еще десять. Эти рассказы, вызвав возмущение даже среди либералов и социал-демократов, не заставили все же Германское правительство и парламент настоять на расследовании творящего в Баварии и освобождении умирающих. На снимке — Толлер в Берлине на спектакле своей последней пьесы „Хиннеманн“ („Юген Несчастный“) среди главных исполнителей.

Наконец, в обед как-то, в праздник, очутились в деревне, на улице. Мотальщик еще далеко за околицей глаза на лоб выкатил и головою задергал, а завидел народ, заходил ходуном. Фонька сел в траву, ремень перекинул через плечо, долго

клавиши пробовал, потом тоненько запиликал, слезливо.

До вечера по деревне ходили. Едва дождался Мотальщик, пока можно было уйти на ночлег в лес и остаться одним.

— И денек же, царица небесная! Давно

Наш счет интервентам!

От ташкентского корреспондента «Огонька».

В январе 1919 г. в Ташкенте во время Белогвардейского восстания была произведена жуткая проказа: предельная расправа с представителями советской красной власти Туркестанской Республики. Большинство фирменных комиссаров и ответственных работников погибло от рук предельно-жесток, дикого советской власти — Огузова. Безымянный в Персию, под защиту английских солдатиков белогвардейцев.

зан до-чиста съестъ. И съедает. За это Степану платят особо.

Домой возвращались с Тюлькиным. На одной улице жили. Фонька, с гармонией за спиной, позади плелся, с головой запахнувшись в остатки ватной кофты Ариной

— Думаешь, сладко ходить мне в кабак ваш? — плакался пьяный Тюлькин. — Я, может, когда в Москву приезжал, в Мавритании был свой человек. Домовладельцем был. Городовые на улицах кланялись. С полицеймейстером в железку играл. А таких, как ты, Степан, по морде бил, хамов.

Степан сочувственно качал головой и на все, не к делу и к делу, отвечал одинаково:

— Чохом одним... Враз и не стало.

При расставании Тюлькин руки прятал назад.

— Не подам. Сам понимаешь. За то и уважаю тебя, что облика не потерял своего ты холопского. Кончится все—я, может, тебя и разговором и не удостою своим, так как ты, братец, хам, а я с самим полицеймейстером, можно сказать... Может мир без господина стоять? Так я, плебей, говорю?

— Чохом одним... Враз и не стало.

Ощупью по клейкой яме, узкому коридору, в подвал.

На стене лампочка жестяная, и чрез прокопченное до-черна стекло с отколоченным краем огонь сочится бурным гноем. На лавке, под лохматями, сонно дышит Арина.. Фонька, не раздеваясь, валится в свой угол, надвигает на глаза шапку, подбирает под себя ноги и сейчас же начинает чувствовать, как огромный, черный рак спускается на него сверху.—Займемся!— жужжит навойливо кто-то над ухом.—Зваймемся! Зваймемся!—Фонька делает усилие, раскрывает глаза, сердито ворочается, но, вдруг, удивленно разводит руками. Рак падает на пол, разбивается на тысячи черных точек и все эти точки шумно разбегаются к ногам, горлу, лицу, светлыми, встревоженными паучками.

— К чорту! Не надо!—отмахивается Фонька, но тут же падает куда то в кислоту, как комочек в груди, вонючую жижу, забывается пьяным, мучительным сном—выдубредом.

Глава IV.

Так длилась жизнь. Начало терялось далеко-далеко, уходило за тысячи лет, всегда не было ни отца, ни Ивана-Мотальщика, ни Арины и никого, а были: Фонька, подвал и прокисшая яма, и еще разве еще мутящий, кислый комочек слева, в груди, в том месте, про которое люди думают, что там бьется сердце.

Дни—слизистые, однообразные, серые, как день волея червяка: один прирастает к другому и дальше, и дальше, корчась и шныряясь, куда-то тупо ползут в безглагольную безысходность.

Фонька вот никакого дела до дней. Не жет ли равно ему, что было вчера, что будет завтра.

Мотальщик все чаще поминал о победе.

И Фонька исчез, наконец, из дому вместе с гармонией. Неделю проселками крались, ночевали в лесу. Старик Степана испугались—безусловно чорт слепой доводить будет.

Фонька в лесу и в поле привольно поживал. Ему во век бы к селениям не подходить, а уставив в весну встревоженный взгляд, любопытно всматриваться, как она угнетаться не может, днем и ночью на свирели играет. А трава в ту весну брызнула сочная, сразу, на самых местах липнучаясь, в первый раз застала Фоньку на себя обернуться. Ночью старика будил—Моталь, а Моталь!—держал за рукава, тепло к старику прижимался. И долго, до рассвета, шептал что-то возмущенно и горько, вскакивал, под березкой спанился, зарубку на коре делал.

— Так и я... и я, дедво, так... Во-он слышишь был... Ей-богу... был. Помню... Мотальщик-мученик... Не веришь... Ей-богу... был.

так работать не приходилось!—валяя в траве и потягиваясь каждым суставом, сладко пожевывая старик.

— Ты сбор из мешка высыпай. По сортам раскладывать будем.

Мотальщик сытно до отказа, Фоньку кормил, только к деньгам сразу доступ отрезал. Да и не интересовался Фонька деньгами. Вообще с той самой минуты как они на деревенской улице появились в праздник, все сразу ушло: и весна многоголосая, и проснувшиеся, скудные воспоминания, и снова, в том месте груди, где так мимолетно и сладко что-то забилося по-новому, сжался мутящий, кислый комок.

Осенью, когда совсем уж в город собрались, несчастье случилось.

«Отработали» день целый Мотальщик с Фонькой в селе и ушли в стогам ночевать. Старик по лугу рассказывал, по-долгу, на одном месте стоял, вытянувшись и не шевелясь,—«к месту суставы прилаживал», как он шутя говорил.

Чуть улеглись,—как из-под земли выросли перед ними два парня.

— Вам чего? — бросил сердито Мотальщик и тут же, опомнившись, задергал головой и плечами.

Парни расхохотались.

— Давеча столбом телеграфным стоял, ни усинка не дрогнула, а как людей увидал, так мотаться? Ну, и артист же ты, дед!

И, не слушая никаких доводов, увели обоих в село.

Из Совета, после допроса, отправили Мотальщика в город, в милицию, а оттуда — в лечебницу на испытание. Фоньку же сдали в колонию беспризорных.

Глава V.

Заставляли Фоньку учиться, про какой-то пролетариат говорили, Интернационал петь научили. Не нравилось. Как будто зеркальцем зайчиков наводили: резнет глаз, а после темень и боль.

Так Фонька и делал. Только завидит руководительницу в узеньком платье шловома,—тут же плотно веки сжимает. А проходит мимо нее, непременно на туфель наступит или нарочно такую загнет матершинку,—та руками замашет и завизжит, а потом отчитывать начинает.

Звали руководительницу Надеждой Васильевной, а с Фонькиной легкой руки во всей колонии другого ей имени, как Тюлькина, не было.—Потому,—объяснял Фонька заведующему,—вы—вроде буфетчика, где я на дурядке наяривал, а она—как Тюлькин сырными раками, ндравочениями своими кормит меня.

Заведующий был старым, казенным педагогом из казенной гимназии, у Надежды Васильевны институтский диплом, как высшее достижение, хранился в специальной шкатулке под-орех, с инкру-

стацией, но Фонькина сущность была недоступна для них, пришедших из похороненного мира теней в чуждое царство родившихся к жизни.

А внизу, в отоплении, у истопника Фонька умел просиживать ночи напролет, слушать чудесные сказания о том, как брали тюрьму, о Перекопе, о восстаниях у белых в тылу, о рабочих, занявших Кремль.

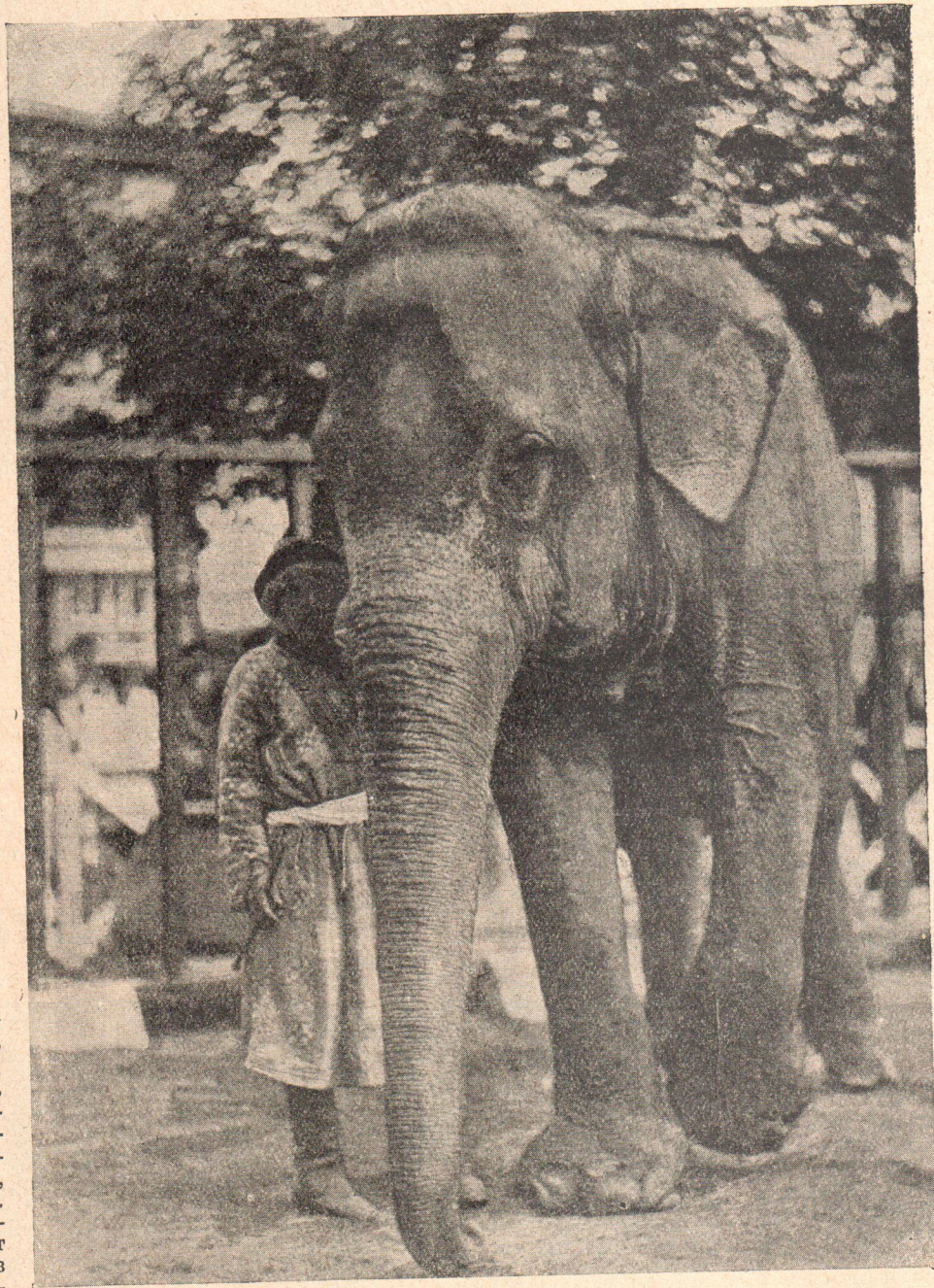
Были раньше у Фоньки безразличие, тупая покорность. И буфетчик, Арина,

старик хотел попытаться счастья в Москве,—вызвался ехать с ним. Тут же ударили по рукам.

Лгал Фонька, знал, что разошлись у них дороги с Мотальщиком, а поступить иначе не мог. У самого денег не было на дорогу в Москву, но не поехать не мог. Давно мысль гвоздем засела в мозгу. Еще когда в первый раз о Ленине истопник говорил, взяло Фоньку за сердце, а потом, когда снюхался с комсомолом, крепко решил про себя:—Хоть что, а должен я с Ильичем разговор иметь небеспреренно.

Подарок Московскому Совету.

Фот. В. П. Минулина.

Великолепный индийский слон Джиндау („красивая женщина“) подарен Бухарской Советской Республикой московскому зоологическому саду. Доиндау от роду 42 года, весит он 351 п.

подвал, глотание сырых раков, нищета, казались неизбежностью, каким-то, разна-всегда начертанным свыше, предопределением. И все это сдвинулось с места, заколебалось, зло ударило в голову.

Фонька часто стал уходить из колонии. Истопник уводил его с собою на заседания комячейки, а потом, после, свел с комсомолом.

Среди зимы Фонька вдруг исчез вовсе из города. Говорили в колонии, будто встретился он с каким-то стариком, и с ним убежал.

Так и случилось. Неожиданно встретился Мотальщик со своим подручным на улице. Как только Фонька узнал, что

комсомольцами. Пристал по дороге. Вошел — долго молчал, мял шапку в руках. Ничего не мог сказать.

***

Теперь Фонька-фабавуч. Скоро он будет Рабфаковцем.

Константин Шильдкрет.

Много раз собирался истопника просить от-править в Москву как-нибудь, да не поворачивался язык, а тут на счастье подвернулся Мотальщик.

Прежде, чем ехать, по окрестным поселкам с неделю бродили — «работали». Наконец, на станции подождали поезда, забились в теплушку, уехали.

И сейчас же, как только услышал первый голос в вагоне, побелел вдруг Фонька, схватился за сердце, камнем повалился на пол; а очнувшись — долго молчал, только злобно оглядывался, сжимая кулаки и мотал головой. Потом вступил в спор.

— Врешь! Какой тебе шалавый поверит!

— Читай, дура, сам узнаешь тогда.

И Фоньке ткнул кто-то под нос печатный, в черной рамке, листок.

Прочел по складам, сразу притих, забился в дальний угол вагона.

Среди поля завьюженного, на ходу, поезд остановили. Свисток надрывно завыл, в Фонькином сердце свист этот едкой слезой отозвался, мучительной, непереносимой.

— В мавзолей Ильича опускают!—кто-то вздохнул и затих.

А свисток всхлипывал тревожно и жутко и отзвывался в стынувшем воздухе черной, бездонной тоской...

Но Фонька у Ленина был. Только с поезда — сейчас же отстал от Мотальщика и затерялся в толпе.

В мавзолей пришел с

СОЛНЕЧНЫЕ МАШИНЫ.

Статья проф. В. Ветчинкина.

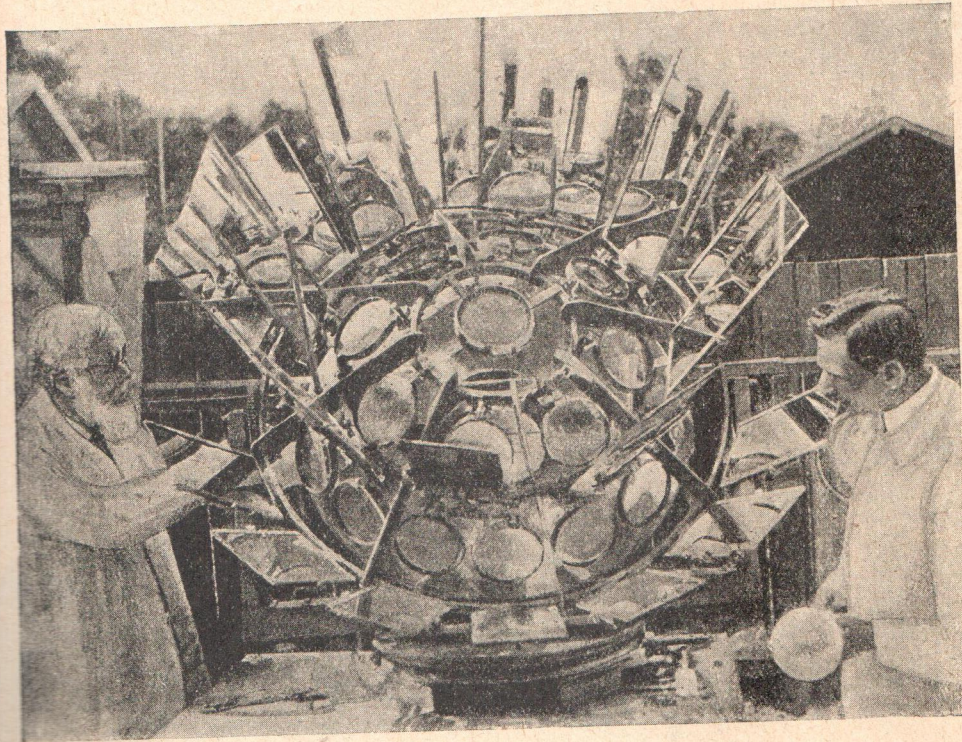
Было много попыток и еще больше проектов непосредственного превращения энергии солнца в энергию механическую, электрическую или тепловую.

6000 градусов оценивается не истинная, но так наз. эффективная температура солнца, температура же самих лучей может быть и выше. Во всяком случае, достигнутые

полненная гетриная мельница диаметром 17 метров (8 сажень) и площадью крыльев около 30 кв. метров дает в среднем за год при ветрах средней России такую же энергию, как солнечная машина с площадью зеркал (или других улавливающих солнечные лучи приспособлений) в 400—1000 квадратных метров (1/25—1/10 десятины). Лишь в исключительных случаях (Калифорния, Сахара, Туркестан) площадь зеркал на ту же энергию может быть уменьшена до 200—250 кв. метр. В Германии, Голландии, Дании ветры сильнее русских и там сравнение вышло бы еще более не в пользу солнечных машин. Далее—для повышения температуры нагрева необходимо солнечные лучи сконцентрировать либо зеркалами, либо собирательными стеклами, таким образом, получается огромная поверхность, которую нужно поддерживать в полированном состоянии и охранять от пыли, дождя, снега и т. п. В результате первоначальные затраты на оборудование и постоянные расходы в порядке выходят столь большими, что пользоваться ею выгодно лишь при исключительных обстоятельствах (дорогой подвоз топлива, отсутствие водяной энергии, слабые ветры, не позволяющие ставить ветряные двигатели).

Эксплуатация солнечных машин в России в сколько нибудь значительных размерах не производится. Нагревательные приборы, представляющие коническое зеркало с центральной нагреваемой трубкой, весьма просты по конструкции и существуют обычно в виде самодельных экземпляров.

В качестве примера можно указать нагревательный усеченный конус изобретателя А. Г. Уфимцева в Курске (1920 г.); наружный диаметр его 3 метра, внутренний—полтора метра. 5 литров воды в нем доводилось до кипения за 40—45 ми-

Солнечная машина со многими зеркалами и зажигательными стеклами. Слева—изобретатель Моро.

Но за исключением лабораторных установок мы еще ничего не имеем.

Что же касается установок эксплуатационных, то они не могут быть выгодны вследствие рассеянности солнечной энергии (малой напряженности на единицу поверхности), вследствие чего приспособления для ее уловления весьма громоздки, дороги, трудны для обслуживания и при малой производительности занимают огромную площадь.

В лабораторных установках, всегда небольших по своим размерам, эксплуатационные расходы не играют никакой роли, зато выступает на первый план огромная температура солнца, превышающая все достигнутое на земле на сколько нибудь продолжительное время. При помощи батареи лейденских банок через тонкую проволоку, американский астроном Андерсон получил температуру до 2000 градусов Цельсия (температура солнца выражается в 550—600 град. Ц.) и уже давно при помощи зеркал удавалось плавить металлы и достигать температур, которые до открытия вольтовой дуги были самыми высокими на земле.

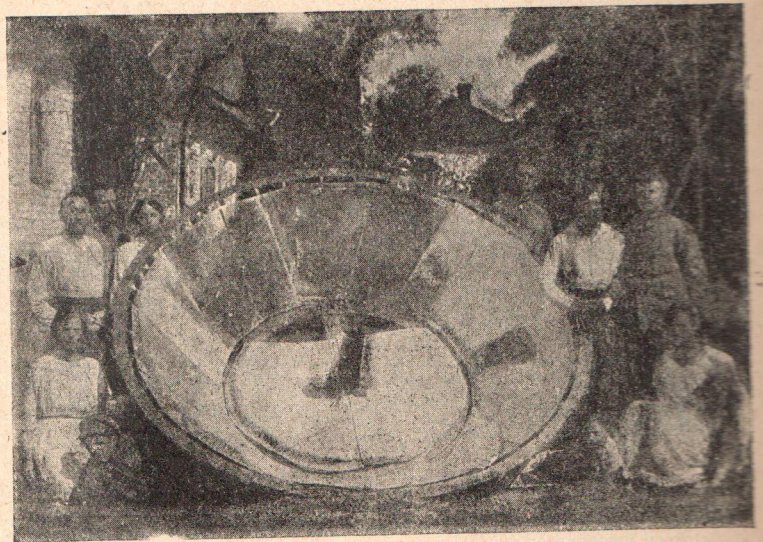
В настоящее время американский изобретатель Марсель Моро построил изображенную на рисунке модель, с помощью которой ему удалось достичь температуры до 3000 градусов Цельсия; при ней алмазы плавятся, стекла и даже кипели. Ясно, что температура отраженных солнечных лучей, как бы их ни концентрировали, не может быть выше температуры самого солнца. Поэтому разницу в 2000 градусов следует искать либо в ошибках измерений, чрезвычайно трудных при этих температурах, либо в том, что числом в

результаты превосходят все, до сих пор полученные.

Прибор Моро состоит из 24 плоских зеркал и 25 собирательных стекол (центральное стекло получает прямые солнечные лучи без отражения). При помощи этой системы солнечные лучи с площади всех зажигательных стекол собираются почти в одну точку, а именно: площадь, на которую попадают лучи, может быть сделана в 1000 и даже в 10000 раз меньше площади, с которой лучи собираются.

Весь прибор поворачивается около двух осей, которые позволяют ему следить за точным и годовым движением солнца.

Возвращаясь к вопросу о невыгодности использования солнечной энергии при помощи машин, сравним солнечный двигатель с ветряным. Оказывается, что хорошо вы-

Нагревательный усеченный конус, изготовленный русским изобретателем А. Г. Уфимцевым (стоит крайний справа), рядом стоит автор статьи проф. В. П. Ветчинкин.

нут. Зеркалами служили листы белой жести, прибитые к деревянному каркасу.

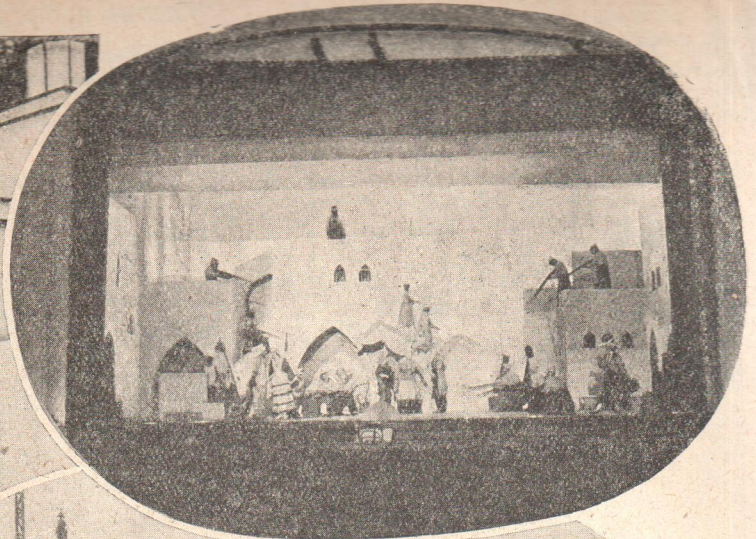
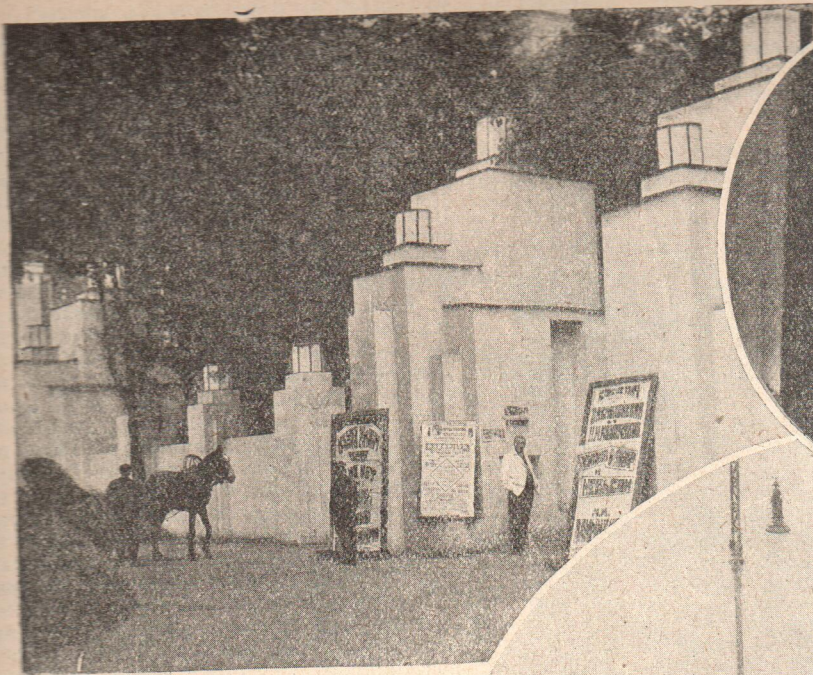
В. Ветчинкин.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

„Огонек“

В месяц—50 коп.

Цена отд. №—15 коп.

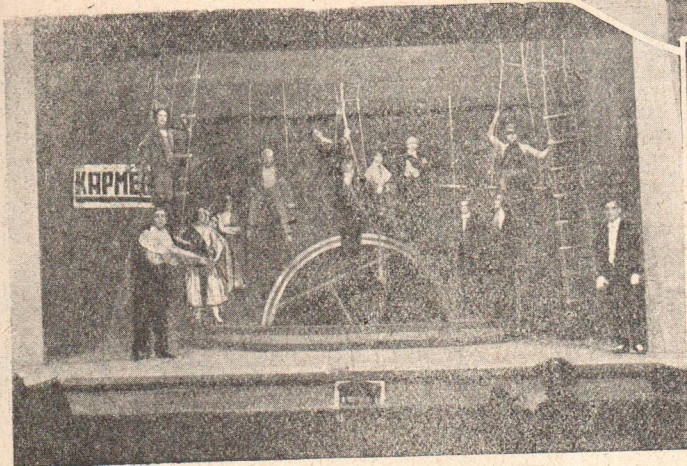

Налево—вход в «Аквариум». Направо—Эрмитаж, Зеркальный театр—«Атлантида».

Массу театральной публики, зимой насыщающей в сорок двадцать слишком театров Москвы, летом притягивают два старинных центра.

По традиции прежних лет—«Эрмитаж» и «Аквариум» стараются объединить в ограде одного сада как можно больше развлечений. Заново отделанный «Эрмитаж» вмещает: «Зимний театр»—старого типа с гастролерами, ходкими пьесами и минимальной дозой скуки. В саду—«Московский театр оперетты», не останавливающийся этим летом на изблудленной «Сильве» и «Пулгицах», ставит новые вещи.

«Вольный театр», сочтавший в себе грушу, достояние и недостатки покойного «Кривого Димми» и зимнего театра «Палас», усвоил курс на «американские» кинема-

Посередине—главная аллея «Аквариума». Внизу: налево—Вольный театр «Кармен в лесу»; направо—во время репетиционного перерыва.

тографические и детективные, с быстрым действием пьесы. Актерского персонала и остроумной режиссуры (Ильин и Хенкин) театру на это хватает, авторов же определенно не достает.

Четвертое предприятие «Эрмитажа»—Новый парк, где с открытой сцены издали слышны песенки Борисова, арии популярного тенора, видно, как пять чашек кубыркаются в воздухе и собака катается по искусственному льду на ковычках. «Эрмитаж» гонится за последним словом, старается удивить свою мало демократическую аудиторию; «Аквариум» не думает об аттракционах, обставляет свою открытую сцену разношерстной программой из популярных, всем понятных, не требующих переводчиков номеров. В его Зимнем театре—труппа от Корша, играющая очень избитые, но далеко не в сей районной Москвой виденные пьесы. И если в «Аквариуме»—та сцена и в публике—меньше объемов новых знаменитостей, чем в «Эрмитаже», если об нем пишут меньше газетных заметок и рецензий,—импатия широких слоев все-таки больше тягнется к «Аквариуму»; его успех бо льше и определеннее, чем в равношерстном, издавна пользующемся симпатиями вельманской аристократии «Эрмитаже».

СОВЕТСКОЕ ДЕРБИ.

Очерк А. Г. Брагина. Снимки В. П. Микулина.

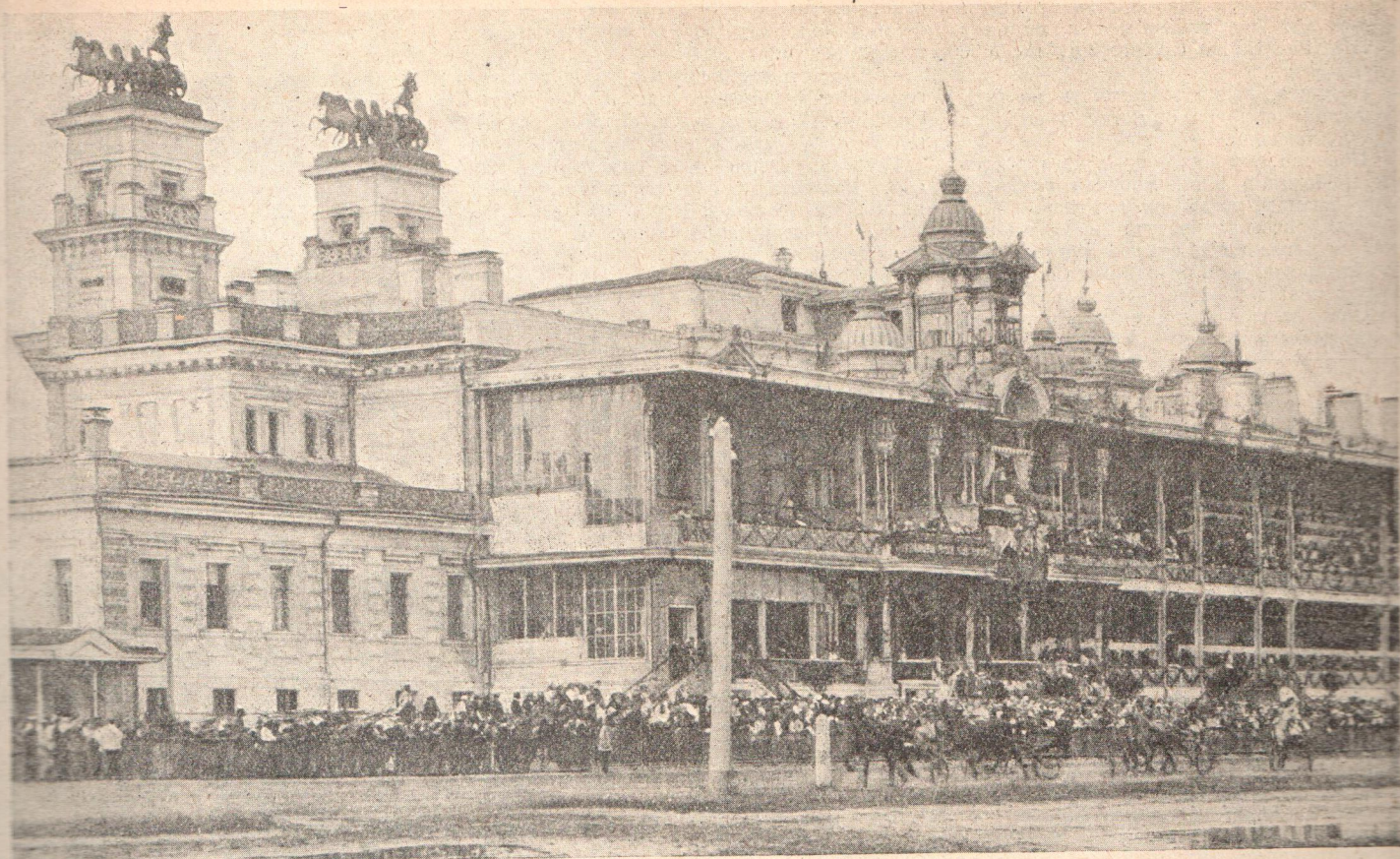
«Прошу встать. Пред Вами сын Гальштима»
(Обращение наездника к публике на одном из губернских ипподромов).

Мы не умеем отдыхать, не умеем смеяться. Мы мало ценим красоту, грацию, силу, стремительность.

Потому у нас спорт еще в колыбели. Потому писать о спорте, а тем более о Дерби—дело несерьезное. Долго ли это еще так будет?

Дерби:—Дамы. Шляпы. Декорльте и лорнеты. Мужчины дамам однотонны, однотипны, однозвучны.

К сожалению, когда говорили о Дерби для многих эти картины заслужают настоящего Дерби—праздник, красивый праздник спорта. Праздник победы большого труда, умения, выдержки и воли. Праздник человека и благородной лошади. Зачем так связывать этот праздник

Дерби 20 июля 1924 года в Москве.

теми, кто пришел сюда влекомый азартом, возможностью на-
звания?

Празднику спорта—бегам—надо вернуть право на внимание
советской общественности, на радость их успехам.

— Практикой жизни установлено,—говорит, известный знаток
лишадей тов. Перекрестов,—что призовой столб яв-
ляется единственно верным мерилем внутренних ка-
чества лошади. Подготовка к испытанию и самое
испытание дают возможность лошади выявить свои
качества, развить и укрепить их для того, чтобы по
возвращении на завод вернуть их потомству.

Отсюда Дерби имеет не только большое спортив-
ное, но и хозяйственное значение.

Госконзаводство должно улучшить крестьянскую
лошадь, улучшить нашу конницу.

Хорошая лошадь в крестьянском хозяйстве может
явиться началом оздоровления всего хозяйства.

Что такое лошадь для кавалерии? Об этом лучше
поговорить с любым из опытных кавалеристов.

Что значит лошадь для окраинных восточных
народов? Для них лошадь—это все.

Дерби—праздник спорта. Дерби—двигатель гос-
конзаводства. Вот почему наше внимание—Дерби.

Как оно прошло в этом году? Слабо.

Оно показало, конечно, большую работу руко-
водитель госконзаводства республики и в то же вре-
мя—абсолютное неумение показать товар лицом. Они,
большая часть бьющиеся за честь Дерби, палец о палец не
ударили, чтобы превратить его в настоящий праздник.

Как легко превратить Дерби в день пропаганды
советского конзаводства и коневодства!

Где были в этом году на дерби представители
государственной власти рабочих, спортивных и общест-
венных организаций?

А ведь как легко сделать Дерби в советской стране
любимым днем столицы.

Дождь. На Дерби записалось 23 лошади. Это
огромная цифра даже для до-военного времени. Дорож-
ная лихорадка вмещает только половину.

— Этот противный дождь совсем испортит мое
кляпе!—говорит под белой шляпкой полудамы у
барьера.

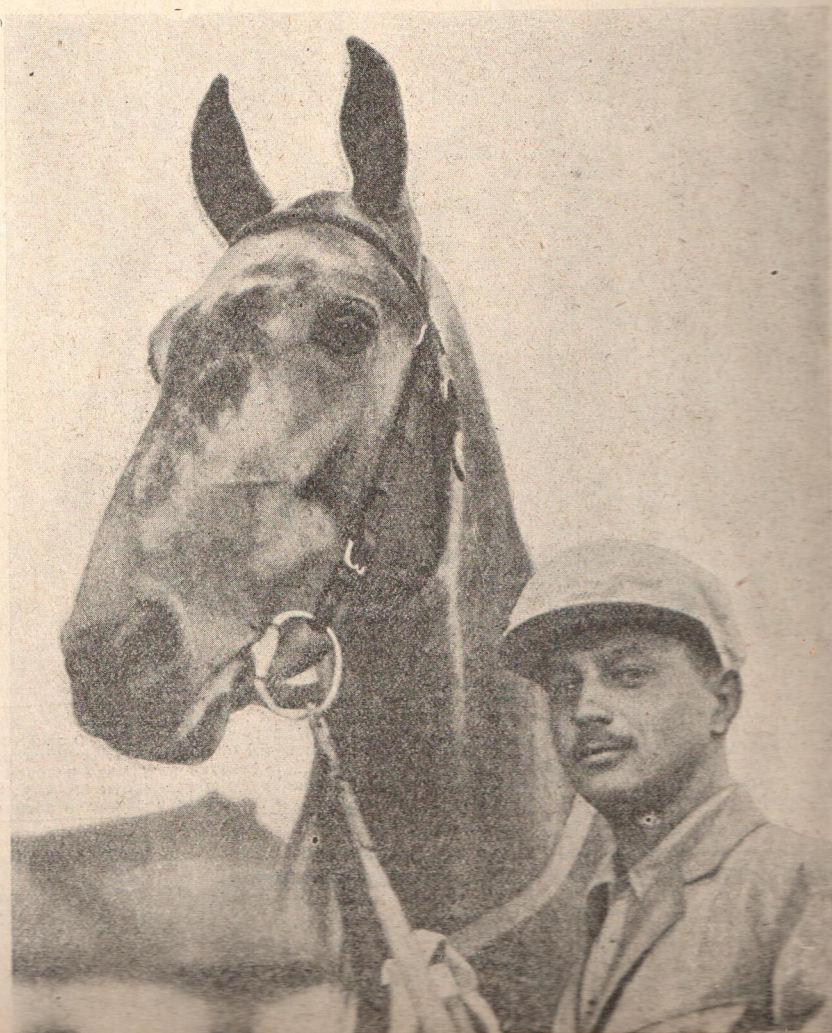
— А лошадям испортит он секунды,—бросает
слабо проходящий мимо коневод.

— Я говорю, что победят метисы. Оставьте раз и
навсегда наше славянофильство в применении к
лошадям.

— Вы все Крепыш да Крепыш, а ведь и его, в
ваше лучшего орловца, побивала резвая „Прости“.
Вы забыли, что резвость Крепыша на полторы версты
2 минуты восемь и три четверти секунды, а „Прости“
2 минуты.

— А все же и вас обгоним!—говорит сторонник
орловца.

— Обгоните, а пока боитесь, и в целом ряде заездов за-
прещаете метисам участвовать! Этот факт сам по себе—не-
слыханный скандал. Вы были на Зиминском заводе Мосземот-
дела. Видели там метисов? Блестящий завод; орлы, хоть и не
орловцы..

Выигравший Дерби «Победитель» с всадником А. Сорочинским.

— А чем же вы объясните, что хреновский орловец—Бедуин—на парижской выставке 1868 года утер нос всему миру? Постояйте мы еще померимся в мировом масштабе не только с метисами, но и с американцами!

— Скажите, легко ли отличить по бегу и по складу орловца от метиса,—спросил сосед у коневода.

— Конечно, у орловца—благородство форм, лебединая шея, могучая грудь, а в беге—размах, воля, ширь, удаль. Орловец бежит, рассекая воздух. А американец стелет в беге, ноги сухие, тонкие, как будто стальные, весь он какой то жесткий, симметричный, в беге — экономность, расчетливость и в то же время, чудовищная стремительность.

— Европейские спортсмены кричали, что мы уничтожили русское коннозаводство, съели Крепыша, а вы посмотрите на наш молодец, на технику тренировок, на наши успехи.

— Посмотрите на группу дербистов этого года. Нет фаворитов, одна лучше другой. Смотрите, вон они идут, скоро последний поворот, а шансы еще спорны.

Резвость Дерби этого года 2 мин. 20.4 сек. Резвость приза республики, доставшаяся Трудовику, 4 мин. 42.4 сек. Резвость хуже прошлых годов. И виновата прежде всего дорожка.

Дерби окончилось. Выводят победителей, гремит в привет им музыка, гремит толпа. Мы уходим и на прощанье желаем руководителям УМИ, чтобы Дерби буду-

щего года интересовало всю трудовую Москву, чтобы секунды были далеко назад отброшены.

По дороге шопот соседей из ближайшей ложи.

—Я говорила тебе, чтобы ты поставил на Таманио,—шипела она своему барану и барано-образному кавалеру.

—Врешь, ты ничего не говорила.

—Тс... Мы еще дома поговорим....

—Я домой не поеду.

—Поедешь. Слышишь—поедешь. Тс...

—Я дорого бы дал,—говорит мой спутник,—чтобы не слышать этих разговоров, не видеть этой публики. Но ничего не поделаешь. Это наша временная дань Нэпу—для того, чтобы скорее полной рысью от него убежать.

А. Брлин.

БОКС В СССР.

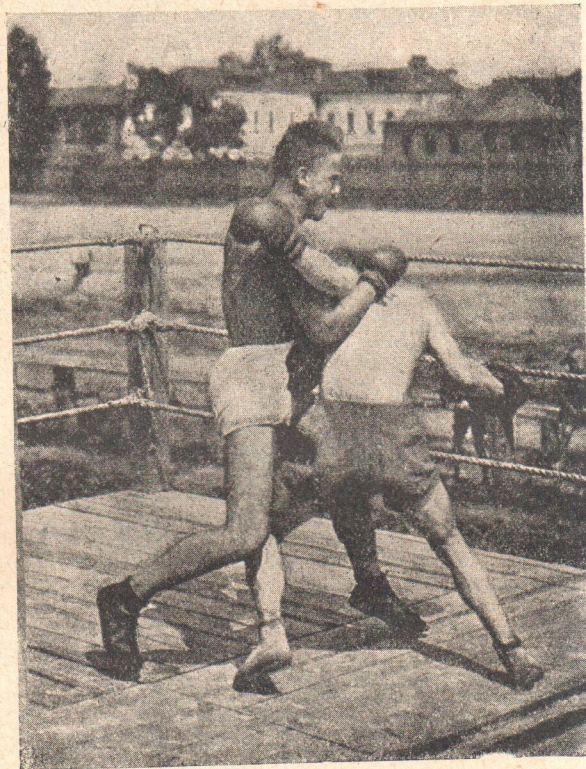
Очерк Л. Бархаша. Снимки А. Бухвостова.

Бокс является средством физического развития и боевого воспитания. Различается бокс: французский, где удары наносятся руками и ногами и английский, в котором удары наносятся только руками, с одетыми перчатками.

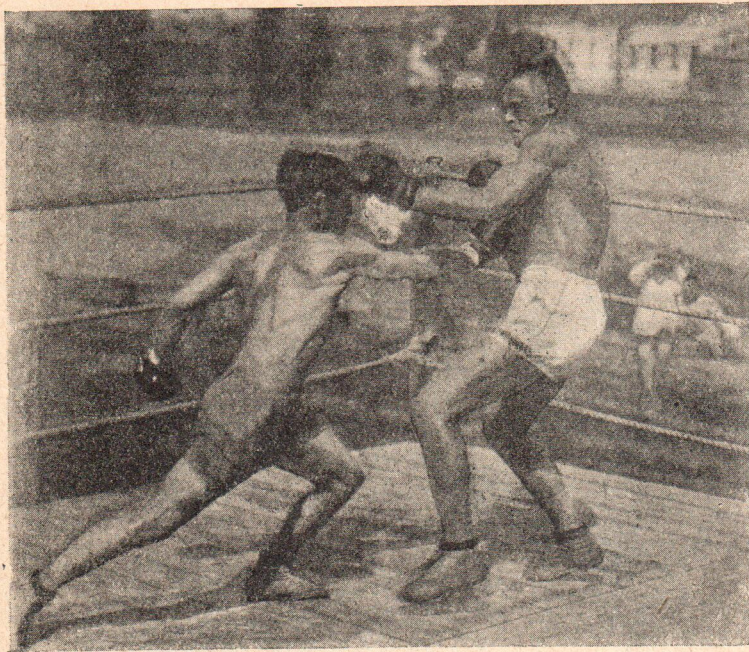
Как вид спорта, повсеместное распространение получил бокс английский. В России он начал развиваться с 1912—1913 года, исключительно любительским путем, так как профессиональный бокс, как зрелище, запрещался.

После Октябрьского переворота средства физической культуры пошли на службу революционному пролетариату. Условия борьбы на фронтах требовали определенной степени развития и тренированности. Всеобщее, организуя спорт и руководя им, включил бокс в систему приемов защиты и нападения без оружия, куда также вошли борьба и джиу-джитсу.

Конечно, в системе обучения способам защиты и нападения, преимущество следует отдать французскому боксу перед английским, т. к., защищаясь, всегда выгоднее поразить противника ногой, чем рукой. Как вид спорта, французский бокс не получил распространения. Спортивное культивирование английского бокса в виде матчей началось у нас, после длительного перерыва, с зимы 1922 года. Несколько публичных схваток бокса, проведенных в Москве, тогда объясняются не совсем удачной попыткой ввести у нас бокс по американскому образцу. Массовое посещение этих матчей падкой на зрелища публикой, в том числе и подростками, несколько допущенных, может быть и не по вине устроителей, трюков, неизбежных в профессиональных схватках, несколько некрасивых сцен... и бокс, как публичное зрелище был запрещен. Тен-

Приемы английского бокса.

Английский бокс.

денцию Моск. Совета физической Культуры и Главреперткома уничтожить бокс, как публичное зрелище, можно считать твердой и, конечно, обоснованной.

Удары в боксе не вызывают сильного кровоизлияния, но кровь, сочащаяся может быть каплями из разбитого носа, размазывается по лицу и фигуре последующими ударами, давая отталкивающее зрелище.

Элемент соревнования в схватке проследить интересно, но когда один из дерущихся «выдохся», падает от толчков, встает с тусклым взглядом, оседающим вниз телом, трясущимися ногами, чтобы свалиться опять от первого удара, а противник, как хищник, стережет и посылает беспощадные удары в беззащитное почти тело, стремясь «вонзать в обморок» «нок-аутом» (решительный удар), делается жутко и спрашивается себя, те ли инстинкты развиваются у зрителей, какие нужны для классовой борьбы, для преодоления жизненных препятствий, но при стремлении к коммунистическому будущему.

Л. Бархаш.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, Благовещ пер., 3 Тел. 86-87. ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЭКСПЕДИЦИЯ Тверская, 48. Тел. 4-80-08 и 41-38. Телеграф. адрес: «Москва, ОГОНЕН». Тариф об'явл.: 1 стр.—40 черв., 1/2 стр.—20 черв., 1/4 стр.—10 черв. 1 строка нонп. в 1 кол.—60 черв. коп. На обложке—на 50% дор. Среди текста—в 2 раза дороже. сверх тарифа—15% налога. ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 9—3 ч. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на один месяц—50 к. На год, считая с 1 апреля—5 руб. За прежние месяцы—по 70 к. Допускается рассрочка в 3 срока: при подписке 2 р., через два месяца 2 р. и через 4 месяца 1 р. За границу: на мес.—35 сент., 1 экз.—10 сент. или в переводе на соотв. местн. валюту. Подписка на «Огонек» принимается во всех почт.-телегр. учрежд. и во всех отделениях и агентствах Госбанка

Издатель «Мосполиграф».

Редактор Мих. Кольцов.

КОНЕЦ. ВСЕ ЯСНО:
НЕ ТРАТЯ ВРЕМЯ ПОНАПРАСНО,

НЕ ТРАТЯ ВРЕМЯ В БЕГОТНЕ,—
ЗДЕСЬ ВСЕ КУПЛЮ, ЧТО НУЖНО МНЕ.